

Артем Рудницкий

ВИТКЕВИЧ

Бунтарь.
Солдат империи

А Л Е Т Е Й Я

Артем Рудницкий
Виткевич. Бунтарь.
Солдат империи

«Алетейя»

2019

УДК 94(47).073+ 929 Виткевич
ББК 63.3(2)47-6

Рудницкий А. Ю.

Виткевич. Бунтарь. Солдат империи / А. Ю. Рудницкий —
«Алетейя», 2019

ISBN 978-5-907189-07-2

Ян Виткевич – одна из загадочных фигур в российской истории XIX века. Мальчишка-гимназист, призывавший к свободе Польши, был арестован, лишен всех прав и сослан солдатом в Оренбургский край. После тяжелых испытаний он добился производства в офицеры, прославился как бесстрашный разведчик и знаток азиатской Степи. Его звездный час – миссия в Афганистане, где высочайшим решением ему было поручено объединить народы этой страны под покровительством России и Персии, договориться об отпоре британской экспансии. Заручившись поддержкой персидского шаха, ханов Кандагара и Кабула, Виткевич вышел победителем в схватке с английскими агентами. Однако его успех оказался недолговечен. Российское правительство, не пожелав обострять отношения с Великобританией, отозвало своего эмиссара. Через восемь дней после своего возвращения в Петербург Виткевич погиб при невыясненных обстоятельствах. Тайна его смерти до сих пор не раскрыта...

УДК 94(47).073+ 929 Виткевич

ББК 63.3(2)47-6

ISBN 978-5-907189-07-2

© Рудницкий А. Ю., 2019

© Алетейя, 2019

Содержание

Историографическая увертюра	9
Крожский инцидент	15
Милосердие подполковника Яновского	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Артем Рудницкий Виткевич. Бунтарь. Солдат империи

Памяти российских дипломатов-востоковедов

*Большая игра закончится, когда все умрут.
Редьярд Киплинг Ким*

*«...добываем как умеем скорее остатки жизни – а всё конца нет
как нет!»
Ян Виткевич Из письма Владимиру Далю*

Хотел бы выразить глубокую признательность коллегам и друзьям, оказавшим мне помощь в работе над книгой:

*начальнику Архива внешней политики Российской империи МИД России Ирине Поповой;
сотрудникам АВПРИ Юлии Басенко, Алле Руденко, Владимиру Михайлову и Марии Дешевых;*

советнику Архива внешней политики Российской Федерации Елизавете Гусевой, начальнику отдела Государственного архива Российской Федерации Ирине Байковой.

Особая благодарность – моей жене и дочери.

* * *

Утром в четверг, 9 мая 1839 года, пришел ветер с Невы, разогнавший тучи, которые с вечера скапливались на петербургском небе, набухали дождевой влагой, грозившей пролиться на горожан. Но бог миловал. Весеннее солнце согревало озябшие тела и души, внушая надежду на то, что день будет удачным, и все в этом мире не так уж скверно.

В трактире француза Луи, что на Малой Морской, прислуга с самого рассвета бодро взялась за дело. Кухарки, истопники, половые и коридорные готовили, разогревали, убрали, чистили и будили. В номерах обычно останавливался народ непраздный, по будням занятой – купцы, приказчики, заезжие крестьяне и ремесленники, да и люди благородные, посещавшие столицу по важным и неотложным делам. Им не с руки залеживаться, нежиться в постелях, дела не ждали, никто времечко понапрасну тратить не желал.

Лишь один постоялец в то ясное, редкое для сумрачного Петербурга, а потому особенно славное утро, припозднился, все не выходил из своей комнаты. Штаб-ротмистр, всегда в ловко сидевшем на нем казачьем мундире, высокий, статный, неизменно любезный и обходительный, сводивший с ума барышень и любивший хорошо провести время с друзьями.

Величали штаб-ротмистра Иваном Викторовичем Виткевичем, хотя кое-кто из знакомых называл его Яном. Видно, что из поляков, так и среди этих встречаются порядочные люди. А гостиничным хозяевам и прислуге чего? Только бы не ругался, покой других не смущал, да платить не забывал. А когда платят, что Ян, что Иван, все едино.

Накануне вернулся не поздно, едва начало смеркаться. В настроении странном: то улыбался, шутил, то морщил лоб и кривил губы в непонятной тоске. Говорил, что весело провел время в милой компании, и тут же принимался горевать, повторял, что вот, ему уже тридцать, а не женат, никому не нужен. Жаловался, что устал, велел, чтобы позволили отдохнуть подольше, не поднимали ни свет ни заря. Такой наказ дал кривоногому киргизцу, который был у него в услужении. Сказал, что сам позовет, когда нужно будет умыться и одеваться.

Наступило утро, время шло. Минуло восемь часов, потом девять, десять, а все не звал. Слуга забеспокоился, не похоже на господина. Подходил к двери, прислушивался, но ничего уловить не мог.

К одиннадцати к нему посетители начали приходить, которым было назначено: двое, особенно важных, из министерства иностранных дел. Чудно это было, почему так долго спит, стали стучать, за полицией сбегали, взломали дверь, ну и нашли его... Застрелился, пулей в висок. В камине пепел от сожженных бумаг, предсмертное письмо на столе.

Жандармы примчались, чиновники в вицмундирах, всё оцепили, охрану поставили, никого в ту комнату не пускали, пока все не обыскали и вверх дном не перевернули. Но, видимо, не обнаружили то, что искали, потому как чертыхались и кляли покойника. Чем-то досадили им, а чем – неизвестно. Своей смертью, наверное...

В тот же день увезли, сказывали, на Волковском¹ кладбище похоронили. Да только могила вскоре исчезла. И следа не осталось.

Много лет спустя ее попытался найти писатель Михаил Гус. Государственный исторический архив Ленинградской области сообщил ему, что в архивных фондах петербургского обер-полицмейстера, канцелярии петербургского губернатора и администрации кладбища сведений

---

¹ То же, что Волково.

об Иване Викторовиче Виткевиче не имеется². По просьбе автора этой книги в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) проверили дела, в которых содержатся полицейские сводки и отчеты о происшествиях и преступлениях в Петербурге в мае 1839 года. Пока ничего, что имело бы отношение к смерти Виткевича, найти не удалось. Хотя событие это было незаурядное, сегодня бы сказали – резонансное. И тем не менее...

Оборвалась жизнь человека, который считается одной из самых загадочных фигур в российской истории XIX века. Она была короткой, но вместила множество событий и рискованных приключений, свидетельствующих об отваге, находчивости и невероятном везении. Согласимся с тем, что это было «одно из самых фантазмагорических существований того времени»³.

Отчего Виткевич завершил свои дни таким образом: среди своих, когда, казалось, не о чем было беспокоиться, нечего бояться? Это должно было произойти на чужбине, среди невзгод и опасностей, в бою, в походе, во время одного из его дерзких, авантюрных рейдов. Ведь он принадлежал к тем, кто, по словам американцев, умирает *with their boots on*⁴. Разве не о таких пассионариях написал поэт: «*И умру я не на постели, при нотариусе и враче, а в какой-нибудь дикой щели, утонувшей в густом плюще?*»

Нотариус и врач при кончине Виткевича, понятно, не присутствовали. Не тот случай. Но это дела не меняло.

Впервые Ян заглянул в глаза старухе с косой в обстоятельствах страшных. В 1824 году, пятнадцатилетний гимназист, он был арестован за участие в тайном обществе «Черные братья» и приговорен к повешению. Царское правительство проявило милосердие, все-таки речь шла о подростке, и смягчило приговор. Однако он остался весьма суровым: навечно в солдаты, без права выслуги, подальше от родных земель, в самую чертову глушь, в крепость Орск в Оренбургском крае.

Так началась его одиссея. Он и представить себе не мог, какие перемены ждут его впереди, каким станут рисовать его образ современники, исследователи-историки и писатели.

Польский юноша, бросивший вызов царскому гнету и жестоко поплатившийся за это. Бесправный ссыльный, чудом вернувший себе расположение властей. Отчаянный смельчак, расставшийся с «грошевым уютом», чтобы пуститься в дальние странствия, вступить в схватку с британскими агентами и положить начало Большой игре – ожесточенному соперничеству России и Англии в Центральной Азии⁵.

Русское правительство карало поляков за революционные помыслы и действия, отправляло на каторгу и в ссылку. Но борцам за национальную независимость обычно давался второй шанс. Случалось, и не так уж редко, что в Сибири они становились географами, этнографами, первооткрывателями азиатских земель. Александр Чекановский, Бенедикт Дыбовский, Ян Черский, Вацлав Серошевский, Бронислав Пилсудский, Леон Барщевский – это далеко не полный список. Ссыльные поступали на гражданскую и военную службу, делали завидную карьеру. Забвение идеалов? Предательство товарищей, продолжавших борьбу? Скорее, возможность реализовать себя в создавшихся условиях. В конце концов, благие дела вершились не только на баррикадах.

Виткевич выделялся среди этой плеяды своей лихостью и фантастической удачливостью. На смену счастливому детству и ранней юности, буколической идиллии в окружении любящих родителей, братьев и сестер в уютном уголке старой Литвы, гимназическим занятиям с про-

² М. Гус. Дуэль в Кабуле. Ташкент. 1964. С. 325.

³ Из повести В. Сафонова «На горах – свобода» // <https://knigism.net/view/16443>.

⁴ Эта идиома означает: «погибнуть в бою, при исполнении своих обязанностей».

⁵ В настоящем исследовании используются термины «Центральная Азия» и «Средняя Азия». Автор исходит из того, что «Центральная Азия» – более широкое понятие, обозначающее регион, который включает в себя Среднюю Азию (территория современных Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана), Монголию, Северо-Западный Китай и Афганистан.

свещенными учителями пришли отупляющая муштра, издевательства и унижения. Но изгой выстоял, добился офицерского чина и стремительно поднимался по служебной лестнице. Вот он уже имперский посланник, общается с персидским шахом и кабульским эмиром, к нему благоволят сильные мира сего и в Петербурге с нетерпением ждут его сверхсекретных депеш...

Жажда странствий и приключений у Виткевича в крови. Переходы через неведомые земли, политические интриги, переговоры с восточными владыками – такая жизнь по вкусу бывшему вольнодумцу.

Этот парень был по-настоящему хорош, все это подмечали. Великолепный наездник, бесстрашный разведчик, умелый переговорщик, знаток Востока! Овладел языками азиатских племен и народов, проникся восточными обычаями, традициями и нормами ислама, знал суры Корана и читал их наизусть лучше иного мусульманина. Он комфортнее чувствовал себя в Бухаре, Тегеране, Кандагаре или Кабуле, нежели в Петербурге.

У Виткевича было нечто общее с другим русско-польским участником Большой игры, Брониславом Людвиговичем Громбчевским, первопроходцем, который прославился спустя полвека. Их роднили влюбленность в Восток, стремление глубже узнать Центральную Азию, в совершенстве освоить ремесло разведчика и дипломата.

Громбчевский, которому автор посвятил книгу «Этот грозный Громбчевский. Большая игра на границах империи»⁶, не являлся ни революционером, ни ссыльным и, несмотря на капризы судьбы, пользовался расположением государя императора и его приближенных. Виткевич тоже мог всего этого добиться, его имя было на слуху в высших сферах, о нем благоклонно отзывались царь и министры, буквально за пару лет он вырос в чинах от портупей-прапорщика до штаб-ротмистра... Кто знает, он мог сделаться генералом, как Громбчевский, и скончаться в преклонных годах от старости и болезней. Но его жизнь оборвалась и причины этого трагического ухода до сих пор не выяснены.

После сурового наказания, вырвавшись в большой мир, Виткевич торопился жить, лихорадочно наверстывая упущенное в годы солдатской неволи. Словно предчувствовал, что смерть придет за ним слишком рано. Его судьба по-своему подтвердила старую истину – «те, кого любят боги, умирают молодыми». Они и впрямь любили этого парня, но взяли за это дорогую плату.

Ему был 31 год. Вполне достаточно, чтобы обессмертить свое имя.

---

⁶ А. Ю. Рудницкий. Этот грозный Громбчевский. Большая игра на границах империи. СПб.: Алетейя, 2013.

Историографическая увертюра

Такая поразительная судьба не могла оставить равнодушными историков и беллетристов. В России, Англии и Польше насчитывается больше сотни трудов, посвященных Виткевичу. Возможно, есть они и в других странах. К сожалению, сам герой не оставил после себя ни мемуаров (кто в молодости увлекается таким скучным занятием!), ни дневников, проливающих свет на его жизнь и раскрывающих связанные с ней секреты.

Писать не любил, это всеми отмечалось. Правда, любил рассказывать о своих путешествиях и находил благодарных слушателей. Одним из них был Иван Федорович Браламберг, талантливый ученый, военный инженер, картограф, геодезист и дипломат, служивший одно время в русском посольстве в Персии. «Виткевич очень много рассказывал нам о своем пребывании в Кабуле и Кандагаре, но, к сожалению, он не вел дневника и вообще не любил писать. Несколько раз я запирался с ним в моей комнате, приказав слуге никого не впускать, и Виткевич диктовал мне свои воспоминания, а также описания маршрутов, которые я впоследствии включил в свою книгу о Персии»⁷.

Если Виткевич и «диктовал», то эти записи не сохранились. В воспоминаниях Браламберга не более десятка страниц имеют отношение к Яну. Тем не менее, они многое говорят нам о характере Виткевича, о некоторых подробностях его пребывания в Персии и Афганистане. В другой труд Браламберга, «Статистическое обозрение Персии»⁸, действительно вошли описания маршрутов Виткевича, однако вне связи с его миссией. Возможно, Браламберг решил, что рассказ о ней, неизбежно политически заостренный, будет неуместен в труде, носившем сугубо научный характер. Раздел «Сведения о Персии и Афганистане, собранные поручиком Виткевичем в 1837, 1838 и 1839 годах» содержит исключительно географические, экономические и этнические наблюдения. Как видно, значительную часть его рассказов Иван Федорович оставил «за скобками». Можно ли его судить за это? В конце концов, он, прежде всего, писал о себе, а не о своем польском приятеле.

Мемуарные источники всегда субъективны и не всегда точны, их авторы подчас вольно обращаются с фактами, и воспоминания Браламберга тому подтверждение. Приведем один абзац:

«Иван Викторович Виткевич родился в Гродненской губернии. Воспитание получил в кадетском корпусе в Варшаве. 17-летним юношей из-за необдуманных поступков, совершенных по молодости, был сослан тогдашним наместником великим князем Константином в солдаты в Орск (Оренбургская губерния)»⁹.

В Варшаве Виткевич никогда не был, в кадетском корпусе не обучался, а в Сибирь угодил, когда ему не исполнилось и 16 лет.

Справедливости ради уточним: Браламберг упоминал о Виткевиче преимущественно в связи с их общением в Персии в 1837–1839 годах, детством и юношеством Яна особо не интересовался, тем более, его антиправительственной деятельностью, темой скользкой и сомнительной. Обо всем этом он знал понаслышке и не утруждал себя проверкой фактов.

Немалую роль в жизни Виткевича сыграл один из его ближайших друзей – Василий Иванович Даль, благодаря которому мы располагаем отчетом о путешествии Яна в Бухару в конце 1835 – начале 1836 года. Даль, который впоследствии приобрел известность как ученый-лексикограф, знаток российской словесности и писатель, в 1833–1836 годах служил вместе с Вит-

---

⁷ И. Ф. Браламберг. Воспоминания. М., 1978. С. 96.

⁸ Статистическое обозрение Персии, составленное подполковником И. Ф. Браламбергом в 1841 году. Записки Императорского Русского географического общества. Книжка VII. СПб, 1853.

⁹ И. Ф. Браламберг. Воспоминания. С. 51.

кевичем в Оренбургском крае. Прибыл туда вместе с губернатором Василием Алексеевичем Перовским в качестве чиновника для особых поручений.

Из-под пера Даля вышла «Записка, составленная по рассказам Оренбургского линейного батальона № 10 прапорщика Виткевича относительно пути его в Бухару и обратно»¹⁰. По сути, у этого произведения два автора: Виткевич, поведавший о своем путешествии, и Даль, записавший этот рассказ и придавший ему литературный блеск. «Записка» обычно публикуется вместе с отчетом о состоявшемся несколько ранее посещении Бухары Петром Ивановичем Демезоном.

После отъезда Яна из Оренбурга, они с Далем не теряли друг друга из виду, пересекались в северной столице и постоянно переписывались, даже в то время, когда Виткевич странствовал по Афганистану. Сохранившиеся письма Яна (их семь) хранятся в Отделе рукописей Института русского языка и литературы РАН (Пушкинского дома)¹¹. «Письма эти, написанные прекрасным литературным русским языком, четким и разборчивым почерком, много говорят об их авторе, о его смелом и мужественном характере, презрении к опасностям, мрачно-важном юморе, с которым Виткевич относился к любым превратностям судьбы. В то же время письма рисуют нам совсем еще молодого, полного сил, очень любознательного человека, который радостно принимает новые впечатления, умеет ценить прекрасное, с большой любовью вспоминает Оренбург и оставленных там друзей»¹².

В Архиве внешней политики Российской империи МИД России (АВПРИ) находятся несколько писем Даля, адресованных Виткевичу¹³.

Уместно добавить, что Владимир Иванович посвятил своему другу несколько страниц повести «Бикей и Мауляна»¹⁴.

В своих воспоминаниях рассказал о Виткевиче его школьный товарищ Алоизий Песляк, еще один «черный брат», отданный в солдаты¹⁵. Вспоминали о нем и другие оренбуржцы, не только ссыльные и пораженные в правах поляки. В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ) хранятся мемуары Константина Андреевича Буха, инженера-прапорщика, а затем поручика Оренбургского корпуса¹⁶. Их автор описал свое знакомство с Виткевичем в 1833 году в Оренбурге, их встречи в российской столице¹⁷. Упоминали о Виткевиче русские дипломаты, посланники в Персии (чрезвычайные и полномочные министры) Иван Осипович Симонич и Александр Осипович Дюгамель¹⁸.

Свой интерес представляют беллетризованные отчеты русских путешественников XIX века, в которых содержатся факты, оценки и наблюдения, воссоздающие обстановку в Афганистане и Центральной Азии в XVIII–XIX веках. Отметим труды Е. К. Мейендорфа и И. Л. Яворского, князя А. Д. Салтыкова, декабриста В. С. Толстого и др.¹⁹.

¹⁰ См.: П. Демезон, И. Виткевич. Записки о бухарском ханстве // <http://www.vostlit.info/Texts/ms4/Vitkevich/pred.htm>.

¹¹ «Я удовлетворю совершенно мою страсть к приключениям...» // http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Vitkevich/briefe_dal.htm

¹² Г. П. Матвиевская, А. Г. Прокофьева, И. К. Зубова, В. Ю. Прокофьева. Жизнь и творчество В. И. Даля в Оренбурге. Гл. 4. Оренбургские друзья В. И. Даля: Иван Викторович Виткевич // <http://www.rae.ru/monographs/134-4445>.

¹³ См. например: АВПРИ. СПб, Главный архив 1–6, 1836, оп. 5, д. 2, л. 98–99.

¹⁴ В. И. Даль. Бикей и Мауляна // Даль Владимир Иванович. Оренбургский край в художественных произведениях писателя. Оренбург, 2001. С. 213–289.

¹⁵ Записки Песляка // Исторический вестник. 1883. Т. XIII.

¹⁶ В Оренбурге К. А. Бух находился с 1833 по 1836 год. Затем отбыл в Петербург, где работал в Морском министерстве, департаментах Военного министерства и министерства имущества и финансов.

¹⁷ См.: К. А. Бух. Воспоминания. Отдел рукописей РГБ. Ф. 43, и. 2, ед 1, и. 5, ед. 1.

¹⁸ И. О. Симонич. Воспоминания полномочного министра. М., 1967; Автобиография А. О. Дюгамеля // Русский архив, 1885, кн. 5.

¹⁹ Е. К. Мейендорф. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975; Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878–1879 гг. Из дневника члена посольства, д-ра И. Л. Яворского, действительного члена Императорского Русского географического общества. В 2-х т. СПб, 1882–1883; А. Д. Салтыков. Путешествие в Персию. М., 1849; В. С.

Наглядное представление о действиях России в Средней и Центральной Азии дает «Записка о русской политике в Средней Азии» крупного российского государственного деятеля и политика графа Михаила Николаевича Муравьева²⁰.

Не оставим без внимания источник, который с натяжкой можно назвать «художественно-документальным». Это рассказ «Предатель» почти забытого сегодня писателя Якова Яковлевича Полфёрова, посвящавшего свои произведения Оренбургскому краю, зауральской степи и казачьей жизни²¹.

По утверждению автора, в основу рассказа он положил записки полковника Петра Ивановича Сунгурова, служившего в Оренбурге и Орске. Сунгуров – личность реальная (дослужился до начальника Актюбинского уезда Тургайской области в 1880-1890-е годы), но, похоже, его свидетельства (если «записки» вообще существовали) не отличались достоверностью или носили слишком фрагментарный характер. А возможно, Полфёров многое добавил от себя и переиначил. Во всяком случае, его рассказ выглядит надуманным и во многих отношениях недостоверным.

В нем жизнь Виткевича представлена весьма поверхностно и схематично, с грубыми ошибками. Он попал в Оренбургский край в 1824 году 16-летним юношей, а у Полфёрова его отправили в Сибирь за участие в ноябрьском восстании (так в Польше называют восстание 1830–1831 годов). До этого он якобы проживал не в Литве, а в Польше, в Варшаве, и был тогда офицером. «Еще недавно в аристократических салонах Варшавы появлялась стройная фигура молодого офицера Виткевича. Он всех очаровывал своим остроумием и изящными манерами. Ему пророчили блестящую карьеру и счастливую жизнь с графиней Потоцкой, с которой он был помолвлен незадолго до мятежа»²². Все это не имело ни малейшего отношения к действительности, являясь плодом воображения автора, который, не потрудившись изучить реальную биографию Виткевича, сочинял ее на свой манер, щедро расцвечивая собственными фантазиями.

Тем не менее, рассказ Полфёрова любопытен, поскольку в нем дается свое объяснение трагическому завершению жизни Виткевича.

В круге источников, представляющих важность для изучения биографии нашего героя, одно из приоритетных мест занимает переписка Томаша Зана – талантливого польского поэта, друга Мицкевича, сосланного в Оренбургский край в одно время с Виткевичем. Она хранится в Польше в «архиве филоматов», существовавшего в Виленском университете тайного общества «любителей науки», к которому принадлежал Зан и которое было разгромлено царскими властями. Возможность частично ознакомиться с этой перепиской дает книга польского исследователя В. Евсевицкого «Батыр. О Яне Виткевиче 1808–1839»²³, единственное обобщающее исследование его жизни и деятельности.

Евсевицкий подробно цитирует письма Зана и других современников Виткевича. Этот труд открывает доступ и к другим польским документам и материалам, не переведенным на русский язык и не издававшимся в России. В этом ряду выделяются дневники племянниц Яна Виткевича, Эльвиры и Марии, свидетельства других членов его семьи.

К слову сказать, многие польские источники, имевшие отношения к Виткевичу, пропали во время Варшавского восстания 1944 года. То, что удалось спасти, бережно собрал и упорядочил Евсевицкий.

Толстой. Сэр Джон Макнил. (Из служебных воспоминаний В. С. Толстого) // Русский архив 1874. Кн. 1.

²⁰ Из бумаг графа М. Н. Муравьева. Записка о русской политике в Средней Азии // Старина и новизна. 1898, кн. 2.

²¹ Я. Я. Полфёров. Предатель // Исторический вестник. № 5.1905.

²² Там же. С. 498.

²³ W. Jewsiewicki. „Batyra”. O Janie Witkiewiczu 1808–1839. Warszawa 1983.

Наконец, упомянем архивные источники, прежде всего, документы АВПРИ²⁴. В 1836 году Виткевича прикомандировали к Азиатскому департаменту Министерства иностранных дел, его служебная командировка в Персию и Афганистан готовилась и осуществлялась по линии этого ведомства. Мидовские материалы – это разного рода официальные письма, ноты, рабочие справки, заявления, отчеты и пр. В фондах АВПРИ сохранились отдельные служебные донесения и записки Виткевича.

К сожалению, в 1941 году, во время эвакуации архива, были уничтожены или безвозвратно утеряны некоторые документы, имевшие отношение к Виткевичу, в том числе те, которые, возможно, могли пролить свет на загадочные обстоятельства его ухода из жизни. В архивных реестрах шифры соответствующих дел указаны с пометами: «сдано в макулатуру» или «отсутствует по описи».

В ГА РФ хранится коллекция документов, освещающих важные эпизоды пребывания Яна в Оренбургском крае.

Источники британского происхождения включают материалы парламентских слушаний, переписку английской дипломатической миссии в Тегеране, министра иностранных дел Великобритании Генри Пальмерстона, генерал-губернатора Индии Джорджа Окленда, его политического секретаря и советника Уильяма Макнотона, британского агента в Лодхиане²⁵ Клода Уэйда, посланника в Тегеране Джона Макнила и прочих официальных лиц, гражданских и военных, действовавших во второй половине 1830-х годов на афгано-персидской региональной сцене²⁶.

Не менее познавательны британские мемуарные источники: произведения, оставленные нам очевидцами описываемых событий: два тома записок офицера и разведчика Александра Бернса, труды путешественника-археолога, выполнявшего также задания правительства Британской Индии, Чарльза Мэссона, жизнеописание одного из соперников Виткевича – Генри Роулинсона, воспоминания Макнила, а также биография эмира Дост Мухаммед-хана, принадлежащая перу Мохана Лала, дипломата, путешественника и писателя²⁷.

Особую ценность представляет то, что в британских мемуарных источниках полностью или фрагментарно цитируются важные документы, как английские, так и российские: письма, донесения, договоры и соглашения. Российские документы даются в переводе на английский язык и в случаях, когда нет возможности отыскать первоисточник, ссылка на них вполне оправдана. Это касается, например, отдельных посланий Виткевича, которые он отправлял из Кандагара и Кабула и которые не сохранились в российских архивах. Их перехватывали англичане, располагавшие сетью осведомителей и агентов в афганских ханствах, и незамедлительно пересылали в Лондон и Калькутту (где находилась резиденция генерал-губернатора Британской Индии), сохраняя, таким образом, эти документы для дальнейшего изучения. С точки зрения такого «документального содержания» наибольшим подспорьем являются труды Лала и Мэссона и изданная в 1839 году «Переписка, имеющая отношение к Персии и Афганистану» (официальная, разумеется).

---

²⁴ В отдельных случаях при цитировании архивных документов автор вносил коррективы в орфографию и пунктуацию в соответствии с правилами современного русского языка.

²⁵ Лудхиана, Лудхияна – крупнейший город в индийском Пенджабе.

²⁶ Correspondence relating to Persia and Afghanistan. L., 1839; The Annual Register of a view of the history and politics of the year 1839. L. 1840; The North American Review. Vol. LV. Boston, 1942 // Art. II. – 1. The Asiatic Journal and Monthly Register for British and Foreign India, China, and Australasia. Number for April, 1842. [Article, Review of Eastern News.]. 2. Parliamentary Papers. Vol. XXXVII.

²⁷ Путешествие в Бухару лейтенанта Ост-Индской компанейской службы Александра Бернса. 4. 1–2. М., 1848; *J. Burnes. Cabool: a personal narrative of a journey to and residence in that city in the years of 1836, 1837 and 8.* Philadelphia, 1843; *Ch. Masson. Narrative of various journeys in Balochistan, Afghanistan and the Panjab.* Vol. II–III. L., 1842; *G. Rawlinson. A Memoir of Major-General Sir Henry Creswicke Rawlinson.* London, New York and Bombay, 1898; *Memoir of Sir John McNeill and his second wife Elizabeth Wilson by their granddaughter.* L., 1910 // https://archive.org/stream/memoirofrighththoonoomacarich/memoirofrighththoonoomacarich_djvu.txt; *Mohan Lai. Life of Amir Dost Mohammed Khan of Kabul.* Vol. I–II. L., 1846.

Лал и Мэссон являлись непосредственными очевидцами политических событий, связанных с пребыванием Александра Бернса и Яна Виткевича в Кабуле в конце 1837 и начале 1838 года. Лал находился на службе Ост-Индской компании в качестве коммерческого и политического агента и участвовал в миссии Бернса. Мэссон, с 1833 года проводивший археологические раскопки на территории Афганистана, в том числе неподалеку от Кабула, был вхож в ближайшее окружение эмира; его принимали при дворе, что позволяло ему, помимо научных изысканий, заниматься разведывательной работой в интересах Британской Индии. В известном смысле Бернс воспринимался им как конкурент, и это отношение наложило свой отпечаток на труды Мэссона.

Англичане, как и русские, не могли не быть субъективными в восприятии событий, которые их разводили по разные стороны баррикад. Для русских Виткевич был почти героем, для англичан – тем, кто путал все карты и угрожал помешать расширению владений Ост-Индской компании. Но те и другие отдавали должное предприимчивости и талантам русского дипломата и разведчика.

Что до научных исследований, имеющих отношение к нашей теме, то перечислять их занятие неблагодарное: перечень всегда будет оставаться неполным и со стороны читателей неизбежны упреки: этого историка не включили, а у этого не все произведения упомянули... Тем не менее несколько слов об этой литературе должно быть сказано.

Преимущественно имеются в виду работы, рассматривающие общие вопросы русско-английского соперничества в XIX – начале XX века, азиатской экспансии России и Великобритании. О Виткевиче в них говорится, но он не является центральной фигурой этих исследований. Укажем на фундаментальный труд Н. А. Халфина «Политика России в Средней Азии (1857–1868)», затрагивающий также предыдущий период и воссоздающий политическую и историко-культурную атмосферу тех лет²⁸, двухтомник русского военного историка XIX века М. А. Терентьева «История завоевания Средней Азии»²⁹ и исследование британца Дж. Моргана «Англо-русское соперничество в Центральной Азии»³⁰.

В Польше после издания труда Евсевицкого (с тех пор минуло около 40 лет), не появилось сколько-нибудь значимых работ, посвященных Виткевичу или перипетиям международной политики в Центральной Азии в начале и середине XIX века. Имеется только ряд статей и брошюр, причем нередко довольно предвзятых. В Польше Виткевич так и не стал в полной мере национальным героем, его юношеский подвиг заслонила последующая служба на благо Российской империи, что поляки, понятное дело, расценивают негативно. Чтобы как-то разрешить это противоречие и «свести концы с концами», выдвигаются не всегда обоснованные гипотезы, о которых частично уже говорилось и еще предстоит поговорить³¹.

В Советском Союзе и России книги о Виткевиче не издавались, а из исследований малого формата отметим содержательные статьи Н. А. Халфина – «Драма в номерах “Париж”», и В. А. Шкерина – «Ян Виткевич и Оренбургский губернатор Василий Перовский»³².

Историографические пробелы некоторым образом восполнялись художественными произведениями. Судьба Виткевича настолько удивительна и богата авантюрами коллизиями, что было бы странным, оставь она равнодушными писателей.

В третьей части поэмы Адама Мицкевича «Дядя» есть отсылка к аресту и ссылке Виткевича и его друзей, попавших в жернова царского правосудия. Томящиеся в тюрьме узники-поляки спрашивают нового заключенного, Яна Соболевского, преподавателя гимназии, в кото-

²⁸ Н. А. Халфин. Политика России в Средней Азии (1857–1868). М., 1960.

²⁹ М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии. Т. 1–2. СПб, 1906.

³⁰ G. Morgan. Anglo-Russian Rivalry in Central Asia: 1810–1895. London & New York. 1981.

³¹ См. например: Janusz Federik. Szalony plan wyzwolenia Polski. Jan Prosper Witkiewicz a Afganistan // Alma mater. Maj 2008.

³² Н. А. Халфин. Драма в номерах «Париж» // Новая и новейшая история. 1966, № 10; В. А. Шкерин. Ян Виткевич и Оренбургский губернатор Василий Перовский // Уральский исторический вестник, 2012, № 2 (35).

рой учился Виткевич: «Эй, Ян, какие новости?» Тот печально отвечает: «Нехорошие – сегодня – в Сибирь – кибиток двадцать – увезли», и уточняет, что речь идет об «учениках из Жмуди».

Жмудь, Жемайтя, или Самогитя – область на северо-западе современной Литвы, входившая в начале XIX века в Виленскую губернию.

Мимо такой колоритной фигуры, как Виткевич, не прошел Питер Хопкирк, опубликовавший серию художественно-публицистических книг о Большой игре и ее участниках. В одной из них, «Большая игра против России», появляется и Виткевич³³.

В схожем жанре написана книга Михаила Гуса «Дуэль в Кабуле», в которой прослеживаются биографии Виткевича и Бернса, их политическое и психологическое противостояние в течение нескольких месяцев зимы 1837–1838 годов³⁴. Это мастерски написанный документальный роман, построенный на тщательной проработке архивных материалов, к нему с полным основанием можно обращаться в поисках фактов и оценок.

В отличие от Гуса, Юлиан Семенов весьма вольно обходился с историческими персонажами и событиями прошлого, однако повесть «Дипломатический агент» подкупает умело выстроенным и напряженным сюжетом, завораживающими приключенческими коллизиями³⁵. Что объединяет Гуса и Семенова, так это стремление убедить читательскую аудиторию в том, что Виткевич стал жертвой англичан. Пусть достаточных доказательств тому не имеется, но литераторы имеют право на вымысел, а в советскую эпоху, когда писались их книги, во всем обвинять «империалистов» считалось хорошим тоном.

Несколько ярких страниц посвящены Виткевичу в повести В. Сафонова «На горах – свобода», о выдающемся немецком натуралисте и путешественнике Александре фон Гумбольдте, повстречавшимся в Орске с ссыльным поляком³⁶.

Еще один беллетристический опыт – роман В. Врубеля «Три невезучие богини» (сетевое издание), в котором афганская эпопея Виткевича интерпретируется как продолжение его борьбы с самодержавием³⁷.

Сколь бы хороши и увлекательны ни были все эти романы и повести, они не могут заполнить лакуны в историографии интересующего нас вопроса. Столь же неуместно в этом плане ссылаться на обилие публикаций о Виткевиче в Интернете (в основном, в русском и польском сегментах). Кто о нем только не пишет! Графоманы, историки спецслужб, блогеры... Очерки, заметки, эссе, порой занимательные, но большей частью поверхностные, с неточностями, огрехами и откровенными ляпами. Список подобных публикаций был бы столь велик, что составлять его – дело безнадежное. Впрочем, это лишний раз доказывает популярность этой исторической фигуры, интерес к ней не исчезает и, по всей видимости, никогда не исчезнет.

Автор настоящей работы поставил своей задачей в какой-то мере удовлетворить его, предприняв исследование, которое свело бы воедино известные факты жизни и деятельности Виткевича, нарисовать более полную и объективную картину тех обстоятельств, которые предопределили судьбу этого пионера Большой игры, его трагическую гибель и посмертную славу.

---

³³ П. Хопкирк. Большая игра против России. Азиатский синдром. М., 2004.

³⁴ М. Гус. Дуэль в Кабуле.

³⁵ Ю. Семенов. Дипломатический агент. М., 1959.

³⁶ В. Сафонов. На горах – свобода // <https://knigism.net/view/16443>.

³⁷ В. Врубель. Три невезучие богини // Владимир Врубель. Официальный сайт. Литература. История. Новости. Немного поэзии // http://vrubel.de/index2_412.

Крожский инцидент

Ян Проспер Виткевич родился 24 июня 1808 года в старинной шляхетской семье. Деревню в Жмуди, где находилось имение его родителей, поляки называли Пошавше (*Poszawsze*), а литовцы – Пасаузе (*Pašiaušė*). Она входила в Щавельский повят (уезд). Неподалеку находился городок Крожи, где мальчику предстояло учиться в гимназии.

Отец занимал уважаемую должность – заместителя председателя (вице-маршалек, *wicemarszałek*) сейма Щавельского повята. Его звали Викторин, потому его сын для русских стал Иваном Викторовичем. Со временем он и сам привык зваться на русский манер и свои письма и документы подписывал: «Иван Виткевич». Это относится и к его письмам Далю.

Подчеркивать свое польское происхождение в Российской империи, особенно тому, кто подвизался на государственной службе или делал военную карьеру, было не совсем осмотрительно. Но сегодня рискнем называть Виткевича Яном, то есть тем именем, которое ему дали при рождении.

Семья была многочисленной, дом – просторным (насчитывал 36 комнат). Это не свидетельствовало о большом богатстве, род был хоть и старинным, но среднего достатка. Впрочем, Виткевичи не бедствовали.

Как пишет Евсевицкий, имение в Пошавше принадлежало Викторину на правах аренды³⁸. Очевидно, какое-то время это соответствовало действительности, но, по всей видимости, однажды Викторину удалось приобрести его в собственность. Из архивных документов следует, что он владел не только им, но еще четырьмя имениями в Литве³⁹.

Племянница Мария вспоминала: «Пошавшское имение раскинулось на просторном подворье, в центре которого находились клумбы с цветами, кусты, а вокруг вилась широкая дорога, выведившая к крыльцу с несколькими ступенями и колоннами. Старые липы уберегали двор от жары и дождя. Дом был деревянный, но по местным меркам большой»⁴⁰. К нему постоянно что-то достраивалось, учитывая возрастающее количество детей (у Яна было два брата и две сестры) и прислуги: няньки, горничные, учителя...

О судьбе самого младшего брата, Эдуарда, и сестер сведений не сохранилось. Средний брат, Игнаций, стал известен как искусствовед, художник и архитектор. Один из его сыновей (он оставил после себя восемь детей), Станислав, во многом пошел по стопам отца, став писателем, художником и философом. В Польше его знают под псевдонимом Виткаций. Дочки Игнация, Мария и Эльвира, как уже говорилось, вели дневниковые записи, к которым мы имеем доступ благодаря книге Евсевицкого.

Жизнь в Пошавше была почти идиллической. Доброта, взаимное уважение, любовь к природе, гармоничное развитие, – все это присутствовало в семье Виткевичей, создавало атмосферу счастья, безмятежности, сердечной привязанности друг к другу.

Маленького Яна, который мечтал прославиться в сражениях за свободу Польши, родные прозвали Валленродом – в честь героя поэмы Мицкевича «Конрад Валлейрод», рыцаря-крестоносца из Литвы, который совершил множество подвигов. Между прочим, реальный Валленрод, с которого писал своего персонажа Мицкевич, умер при таинственных обстоятельствах: внезапно, в состоянии умопомешательства, что заставило предполагать наличие злого умысла. Так что для Яна это прозвище в чем-то стало пророческим.

Он был худощавым, стройным мальчишкой – черноглазый, с высоким лбом и крутым, раздвоенным посредине подбородком, выдававшим внутреннюю силу, упрямство и стой-

---

³⁸ W. Jewsiewicki. „Batyra”. S. 11.

³⁹ ГА РФ. Ф. 109,1829, оп. 53, д. 76, л. л. 4-406.

⁴⁰ W. Jewsiewicki. „Batyra”. S. 11.

кость⁴¹. Такой образ создал в своем романе Михаил Гус. Юный романтик, одержимый прекрасными идеями...

В гимназии, в которую мальчик поступил в 1818 году (то есть в 10 лет), было шесть классов. Директор, Игнаций Довят, славился как опытный педагог, человек образованный. Учителя – в основном выпускники Виленского университета, славившегося своим либеральными порядками. Особенной любовью и уважением пользовался преподаватель физики и естественных наук Соболевский. Преподаватели и ученики жили одной дружной семьей, за успеваемость не приходилось бороться, она сама по себе была высокой и гимназия славилась как одно из лучших училищ Виленской губернии.

На выпускной церемонии летом 1822 года ученик четвертого класса Ян Виткевич выступил с пространной речью с благодарностью преподавателям и, конечно, «Всемиловейшему благодетелю, царю Александру I». Ничто не предвещало той бури, которая разразилась в Крожах спустя полтора года.

Все переменялось, когда Виткевич и несколько его одноклассников, учеников шестого класса – Циприан Янчевский, Виктор Ивашкевич, Феликс Зеленович, Сухотский и Алоизий Песляк – создали тайное общество «Черные братья». Почему придумали такое название? Потому что все поляки – братья, а черные – потому что «темная ночь опустилась над отчизной», и в ее тьме черный цвет делает невидимыми тех, кто будет готов на все, «даже на пожертвование жизнью во имя нашего дела...»⁴².

В появлении гимназического тайного общества тогда нельзя было усмотреть что-то необычное. О революционных настроениях в России в преддекабристскую эпоху известно, тайные общества возникали чуть ли не повсеместно и польско-литовские земли не были исключением. Стремление избавиться от самодержавного гнета проявлялось там с особой силой, ведь целью было не только социальное, но и национальное освобождение.

Польше, перешедшей после Венского конгресса 1815 года под управление России, даровали конституцию, тем не менее поляки чувствовали себя обделенными. Они еще могли как-то терпеть царского наместника и командующего отдельным Литовским корпусом цесаревича Константина Павловича (брата Александра I), слывшего либералом, но его ближайшего советника сенатора Николая Николаевича Новосильцева люто ненавидели. Именно этот деятель явился вдохновителем репрессий в Литве в 1823–1824 годах.

В Виленском университете были организованы общества филоматов, филаретов, «лучистых»⁴³ и множество других патриотических и просветительских объединений. Они проповедовали любовь к науке, добродетели, но также распространяли революционные идеи. В этих обществах, в числе других интеллектуалов и литераторов, состояли Адам Мицкевич и Томаш Зан.

Строки из «Песни филаретов» Мицкевича:

Учились мы, признаться,
Не для того, чтоб гнить,
Но как римляне драться,
Как греки пить и есть.
.....
Где есть в сердцах отвага,
Где циркуль – мысль, масштаб —

---

⁴¹ М. Гус. Дуэль в Кабуле. С. 6.

⁴² Там же. С. 17.

⁴³ Филоматы – любители науки, филареты – любители добродетели (греч.). Члены общества «лучистых» верили в то, что просвещение будет распространяться подобно тому, как солнце распространяет свет и тепло своими лучами.

Общественное благо,
Там человек не слаб⁴⁴.

Власти приступили к искоренению «образовательной фронды» после того как 3 мая 1823 года, в годовщину польской конституции⁴⁵, ученик пятого класса Виленской гимназии М. Платтер мелом написал на доске: «Нынче 3 мая». Два других ученика добавили: «О, сладостное воспоминание!», «Да некому помочь»⁴⁶. Платтера и его одноклассников отдали в солдаты, всю губернию захлестнула волна арестов.

В сентябре 1823 года филоматы, филареты и «лучистые» были разоблачены и преданы суду. Это был крупнейший студенческий политический процесс в Европе того времени. Двадцать человек приговорили к тюремному заключению или ссылке. Случившееся можно было квалифицировать как «преднамеренное и циничное удушение Виленского университета, центра науки и культуры», «жестокую расправу с лучшими из его студентов»⁴⁷.

Взяли Соболевского, который принадлежал к обществу филоматов. В виленской тюрьме он оказался в компании со своими единомышленниками – Адамом Мицкевичем, Антонием Фриендом, Адольфом Гедройцем, Адамом Сузиным и другими вольнодумцами.

Известие об аресте любимого учителя всколыхнуло учеников крожской гимназии. До той поры они ограничивались чтением запрещенной литературы и стихов «возмутительного содержания», теперь же решили перейти к активным действиям, чтобы растормошить полусонный городишко.

«Крожи, крохотный городок с полутора тысячами жителей, затерялся в медвежьем углу Литвы. Но, тем не менее, гимназисты – все горячие польские патриоты – с неослабным вниманием следили за тем, что происходило в Польше, и были охвачены страстным стремлением к возрождению Речи Посполитой – свободной, сильной, славной...»⁴⁸.

Вдохновителем и главным организатором общества «Черные братья» был Янчевский, прежде учившийся в ковенской гимназии, где преподавал Мицкевич. Ян Виткевич был его ближайшим помощником. Правда, польский историк Генрик Мосцицкий лидерство приписывал именно ему и считал, что «Черные братья» возникли еще до переезда Янчевского в Крожи⁴⁹.

У этой организации не было четкой программы, не было устава. Главная задача заключалась в освобождении Соболевского и других заключенных, проходивших по виленскому делу. Подростки сознавали, что им не уйти от кары, но это и было их целью. Наивный расчет заключался в том, что «чем больше будет виноватых, тем меньше будет наказание»⁵⁰, чем больше будет узников в тюрьмах, тем сложнее будет правительству продолжать политику подавления инакомыслящих, придется смягчать репрессивные меры, улучшать положение политзаключенных и т. д. Кроме того, гимназический бунт являлся выражением солидарности со старшими товарищами, брошенными в тюрьмы.

Начали с распространения «подрывных» стихотворений, которые сочиняли Янчевский, Зеленович и Виткевич.

Стихотворение Виткевича⁵¹:

⁴⁴ Сочинения А. Мицкевича. СПб, 1882. С. 206.

⁴⁵ Имеется в виду конституция Польши 3 мая 1791 года.

⁴⁶ Вильна 1823–1824. Перекрестки памяти. Иоахим Лелевель. Новосильцев в Вильне. Иван Лобойко. Мои воспоминания. Минск, 2008. С. 22.

⁴⁷ Ю. Снежко. Рец. на книгу «Перекрестки памяти. Вильна 1823–1824» //http://www.literatura.fif.vu.lt/wp-content/uploads/2011/11/Lit_50_2_116.pdf.

⁴⁸ М. Гус. Дуэль в Кабуле. С. 8.

⁴⁹ W. Jewsiewicki. „Batyra”. S. 19–20.

⁵⁰ Ibid. S. 19.

⁵¹ Оригинальный польский текст: *INiech jedność między nami ściśle dochowana* *Stanie się j už grobowcem podłego*

I

Пусть крепнет наше единство,
Оно несет смерть подлому тирану.

II

Возлюбим свободу, бесценный дар небес,
Ради этого всем можно пожертвовать.

III

Сегодня все кончится, и рухнет власть,
Все переменится, наступит свобода⁵².

Было подготовлено воззвание к гражданам, которое также сочинил Виткевич:

«К свободе, братья, к свободе! Не покоряйтесь варварам, пусть они вам покорятся... В юношестве польском еще отзывается дух свободы, который не погаснет вовеки; в нем играет еще Костюшкина кровь. Крожское юношество! Да возбудится в тебе дух свободы! Пожертвуйте, братья, собою для завоевания свободы, умоляю вас во имя отчизны! Будьте же готовы прийти к нам на помощь, когда ее потребуем, а письма эти распространяйте между лучшими, храня полную тайну. Да здравствует конституция и ее могущественная сила – свобода, единство, независимость! Да живет в веках Польша!»⁵³.

Еще одно воззвание Виткевич адресовал непосредственно директору гимназии:

«Высокомыслящий пан директор! Дело, в котором народ ждет от тебя помощи, таково: ты знаешь состояние политических обстоятельств и потому можешь знать, чего требует отечество от своих сынов. От особы твоей мы больше ничего не требуем, как только не препятствовать нам, когда мы употребим в дело несколько десятков вверенных тебе юношей. Не разрывай уз единства, не откажи в своей помощи, почтенный муж, но действуй с осторожностью и в тайне. Народ вопиет из глубины пропасти. Разврат, негa и попрание прав есть гибель его. А деспотизм и неволя – наказание тем, кто не радеет о его свободе. Дело свое мы предпринимаем, руководствуясь правотою совести. Мы не боимся, хотя и знаем, что обнаженное оружие сеет страх и смерть»⁵⁴.

Утром 28 ноября 1823 года «Черные братья» подбросили письма с призывами к борьбе и соответствующими заявлениями директору, некоторым учителям, одноклассникам и горожанам. Нужно ли удивляться, что эти бумаги сразу оказались в распоряжении властей. Среди тех, кто поспешил сообщить о них «кому надо», были Довят и четверо учеников. Подобная расторопность не осталась незамеченной. 21 января сенатор Новосильцев распорядился наградить директора орденом Святого Владимира IV класса, а доносчиков-учеников – серебряными медалями «За усердие и верность».

Если авторы писем хотели достигнуть своей главной цели, то они этого добились только частично. Их взяли под стражу, доставили в Вильно и предали военному суду под председательством генерала Григория Владимировича Розена, командующего 1 пехотным корпусом.

---

tyrana. II Wolności ulubiona, drogi niebios darze, Czemuż cię Bogu złożyć nie można w oh arze. III Dziś się skończy władza i to panowanie, Dziś się wszystko odmieni, wolny rząd nastanie.

⁵² W. *Jewsiewicki*. „Batyra”. S. 19. Перевод с польского автора настоящего исследования.

⁵³ М. *Гус*. Дуэль в Кабуле. С. 24.

⁵⁴ Там же. С. 25.

Таким образом, число арестованных было преумножено, но никого из застенков не выпустили, и никакого смягчения наказания не произошло. «Черные братья» испытали это на себе.

«Литовский террор» 1823–1824 годов подробно описал Иоахим Лелевель, знаменитый польский историк, преподававший в Виленском университете и впоследствии сделавшийся героем ноябрьского восстания. «Война с детьми» – так он охарактеризовал эти репрессии⁵⁵. Следственная комиссия, возглавленная Новосильцевым, «проявила невероятную жестокость в борьбе с подозреваемыми, значительная часть которых не достигла еще и двадцати лет, а многие были гимназистами. Подростков и юношей подвергли аресту, унижительным допросам, иногда с применением пыток»⁵⁶.

Даже на фоне расправы со студентами Виленского университета, пишет В. А. Шкерин, приговор гимназистам представлялся чрезмерно суровым⁵⁷. Виткевича и Янчевского осудили на смертную казнь⁵⁸, замененную потом решением цесаревича заточением в Бобруйской крепости и «на работы бессрочно, с заковкой в цепи»⁵⁹. Предполагалось, что это наказание продлится десять лет, после чего арестантов отправят служить солдатами в Оренбургский край. С поражением в правах, естественно.

Но затем Виткевичу, как самому юному среди «преступников», вторично сделали «поблажку», позволив приступить к несению солдатской службы незамедлительно. Его, Песляка, Ивашкевича и Сухотского определили рядовыми без права выслуги в батальоны Отдельного Оренбургского корпуса. Яна зачислили в 5-й линейный батальон в Орской крепости, а товарищей разослали по другим крепостям: Песляка – в Верхнеуральскую, Ивашкевича – в Троицкую, Сухотского – в Звериноголовскую.

Из приговора: «Означенный Виткевич со времени нахождения своего в Крожском училище принадлежал к тайному студенческому обществу под названием “Черных братьев”, имевших предположение возмущать во всех училищах учеников распространением составляемых ими на сей предмет сочинений, и что Виткевич, как один из учредителей того общества, по конфирмации Его императорского высочества цесаревича 26 февраля 1824 года отослан на Оренбургскую линию для определения в тамошний гарнизон без выслуги в рядовые»⁶⁰.

Власти устроили торжественную и мрачную церемонию, не вечером или ночью, а утром, рассчитывая на массовое присутствие публики. Смысл легко угадывался: в назидание местному обществу показать, что ждет инакомыслящих, даже несовершеннолетних. Чтобы проводить мальчиков, в Вильно приехали родные, друзья, пришли многие горожане, надеясь тем самым оказать молчаливую поддержку несчастным. Многие плакали. С явным намерением усилить страдания арестантов, телеги, на которые их должны были посадить, поставили в полтора метра от входа в тюрьму. Мальчикам, еще не привыкшим к кандалам, каждый шаг давался с болью⁶¹.

В полицейском рапорте указывалось: «...в у утра высланы... Виткевич, Песляк, Сухотский и Ивашкевич... провожавших было еще больше, чем несколькими часами ранее, когда отправляли Янчевского и Зеленовича. Высылка осужденных прошла без нарушения порядка, в полном спокойствии. Преступники во время отправления и заковывания в кандалы не проявили ни малейшего возмущения, всецело примирившись с выпавшей на их долю участью. На лицах провожавших читалось сочувствие...»⁶²

---

⁵⁵ Вильна 1823–1824. Перекрестки памяти. С. 4.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ В. А. Шкерин. Ян Виткевич и Оренбургский губернатор Василий Перовский. С. 131.

⁵⁸ В. А. Шкерин ошибается, указывая, что смертниками были Янчевский и Зеленович.

⁵⁹ Записки Песляка. С. 577.

⁶⁰ ГА РФ. Ф. 109, 1829, оп. 53, д. 76, л. 10-1006.

⁶¹ W. Jewsiewicki. „Batyra”. S. 29–30.

⁶² Janusz Federik. Szalony plan wyzwolenia Polski. S. 22.

До Москвы осужденных везли на телегах, а оттуда погнали своим ходом, по этапу, заставляя делать от 20 до 40 верст в день. Правда, после каждых двух дней пути полагался день отдыха. В Оренбург они добрались только в октябре.

По-разному сложились их судьбы. Через девять месяцев после вынесения приговора Зеленович, «не вынеся нравственных и физических страданий, сошел с ума и в таком жалком положении умер, не придя в сознание даже перед смертью». Так об этом написал Песляк, единственный из всей «шестерки» оставивший после себя воспоминания⁶³. Он же поведал о судьбе Янчевского. Циприана освободили от каторжных работ, и в качестве рядового он принял участие в турецкой кампании 1828–1829 годов. Отличился в боях, за храбрость был произведен в унтер-офицеры. Интересно, что Циприан проявил еще большую доблесть во время подавления польского восстания 1830–1831 годов, и это принесло ему офицерский чин. Такая вот метаморфоза произошла с бывшим «карбонарием». Закончил он свою карьеру предводителем дворянства в Щавельском уезде⁶⁴.

Трагична судьба Сухотского, который застрелился 29 декабря 1829 года – когда ему отказали в производстве в унтер-офицеры и в переводе в действующую армию.

Ивашкевич и Виткевич выдержали испытание солдатчиной и, в конце концов, получили офицерские чины. Но путь к этому вел очень тяжелый...

События 1823–1824 годов, связанные с делом «Черных братьев», повлияли на всю последующую жизнь Яна. Расплата за юношеское вольнодумство оказалась чудовищной, и он полностью так никогда и не оправился от пережитого потрясения, спровоцировавшего сильнейший психологический надлом. В нем теперь трудно было узнать милого, прекраснородушного, романтически настроенного подростка. В душе Яна пустили ростки ожесточенности, цинизма и безнадежности, исключавшие прежний идеализм и прекраснородушные мечты.

---

⁶³ Записки Песляка. С. 584.

⁶⁴ Там же. С. 578.

Милосердие подполковника Яновского

Итак, в солдаты навечно, без выслуги, с лишением дворянства... Неужели на этом жизнь кончена? Николаевская эпоха – апогей самодержавия, торжество официальной народности и тотального государственного контроля. «Чтобы дышать воздухом этой зловещей эпохи, – писал М. Ю. Лермонтов, – надобно было с детства приспособиться к этому резкому и непрерывному ветру, сжиться с неразрешимыми сомнениями, с горчайшими истинами, с собственной слабостью, с каждодневными оскорблениями; надо было с самого нежного детства приобрести привычку скрывать все, что волнует душу...».

Беда Виткевича заключалась в том, что в свои ранние годы он эту привычку приобрести не успел. На что теперь мог рассчитывать бесправный солдат?

Благодаря Песляку мы знаем, что пришлось вынести недавним гимназистам. Из комфортабельной, сытой жизни, с мамами, папами и прочими любящими родственниками – «в невдомую, совершенно дикую по нашим понятиям страну»⁶⁵. Для начала пройти по этапу около двух с половиной тысяч километров – шутка ли сказать! «К месту назначения мы следовали закованными в тяжелые пудовые цепи, причинявшие нам в пути жестокие мучения, как от непривычки носить и справляться с ними, так и от чрезмерной для наших слабых сил тяжести, дававшей себя чувствовать во время больших переходов по этапам». Прибыв на место, юноши быстро поняли, что тянуть солдатскую лямку им придется в очень тяжелых условиях. «К нам, по исполнению разных формальностей и по размещении в назначенные батальоны, приставлены для надзора солдаты и унтер-офицеры. В числе других карательных мер последовало запрещение всякой переписки – даже с родными, и вообще иметь с ними какое-либо сношение, а также и знакомиться с кем бы то ни было. Одним словом, можно сказать, что тогдашняя крайне строгая военная дисциплина была применена к нам в полной мере и нас держали под самым строгим надзором»⁶⁶.

Еще фрагмент из записок Песляка:

«При исполнении военных служебных обязанностей мне приходилось выстаивать в суточных караулах по 3 часа, нередко при морозе в тридцать градусов, попеременно с товарищами, после чего я снова посылался в ночной караул, который и выстаивал, прикрывшись одной только солдатской шинелью»⁶⁷.

Страдания усугублялись издевательствами и преследованиями обычных солдат, не ссыльных. Они называли Песляка «безмозглым полячишкой» и «безмозглым фармазоном». Бывало, когда юноша, проведя «утомительные часы караульной службы и дождавшись очередной смены, утомленный нравственно и физически», буквально падал от изнеможения и истощения и находил себе «приют под лавкою», его сон прерывался «грубым толчком ногою в бок и раздавался грубый и сердитый голос: “Убирайся безмозглый фармазон, я лягу тут!”»⁶⁸.

Аналогичные издевательства и преследования испытывали другие ссыльные.

Полфёров, хоть и напутавший немало в биографии Виткевича, мучения, выпавшие на его долю, передал весьма образно и близко к истине: «Седой поручик Сеньков, вышедший из рядовых, свирепо посматривал на своих учеников и искал нового случая “свернуть салазки”, как он выражался про свой излюбленный метод обучения солдат.

– Эй, ты, госпожа Польша, мечтаешь?.. Про родную сторонку изволили вспомнить... Слышь, какой артикул я приказал!..

---

⁶⁵ Там же. С. 578.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. С. 579.

⁶⁸ Там же. С. 580.

Этот грубый окрик был адресован молодому солдату, очень стройному, с тонкими чертами лица, не измененными ни сильным загаром, ни толстым слоем пыли. Он машинально слушал команду, машинально проделывал все то, что делал его сосед по фронту. В серых глазах отражалось тяжкое горе, и невольно все солдаты старались выразить ему свое сочувствие, чем еще больше бередили раны товарища».

Он «в грязной солдатской рубахе, в тяжелых сапогах марширует по пыльному плацу далекой степи, выслушивая грубые окрики поручика. Хорошо еще, что в отношении его положен известный предел в оскорблении: “словесно, кроме матерных слов, можешь журить, но лица касаться не смей”, – гласил приказ коменданта крепости.

...– Эх... так бы и свернул салазки этому полячишке, – не раз злобно ворчал поручик, видя, как Виткевич путал команду и “портил фронт”»⁶⁹.

А «полячишке» только минуло 16 лет. Подросток, с неокрепшей психикой, по которой словно кувалдой молотили жуткие стрессы: арест, суд, издевательства, переход по этапу в Сибирь, изнуряющие батальонные будни... Вдобавок пришло трагическое известие из дома – умер отец. Разумеется, никто солдатика на похороны и не думал отпускать. Много чести заговорщику...

Бух уверял, что в Оренбургском крае Ян «всегда жил беззаботно и ни в чем себе не отказывал», что родители его, имея «хорошие средства», всем его обеспечивали⁷⁰. Насколько это соответствовало действительности? Виткевич не был лишен родительской поддержки, но ее размеры варьировались в зависимости от конкретной ситуации и характера отношений «государственного преступника» с семьей, весьма, надо сказать, изменчивых. Оптимистичное и, пожалуй, некоторым образом завистливое утверждение Буха далеко не во всем подтверждается документальными свидетельствами.

Константин Андреевич не был свидетелем того, что пришлось пережить его другу сразу после прибытия в Орск. Тогда Яну отчаянно хотелось хоть у кого-то найти поддержку, защиту, услышать доброе слово. Наверное, поэтому он с таким доверием отнесся к командиру Орского батальона подполковнику Александру Андреевичу Яновскому, который вроде бы сжалился над пареньком и взялся облегчить его участь.

Ян донельзя обрадовался тому, что старший офицер (да еще какой, самый главный в Орске!) проникся его проблемами, проявил сострадание. Но вскоре выяснилось, что надежды зряшны. Расположение Яновского обернулось для Виткевича еще одним тяжелым испытанием.

Обыкновенно историки и литераторы если и вспоминают о Яновском, то как об исключительно порядочном человеке, который помог ссыльному вынести тяготы солдатского существования. Примерно так рассказывает в «Дипломатическом агенте» Юлиан Семенов – мол, благородный, добрый и интеллигентный наставник, да еще сочувствовавший «борцам за свободу». Встречались же такие среди царских держиморд!

Батальонный командир приветил юношу, поселил у себя в доме, вел с ним умные беседы, в том числе на французском и английском языках. Более того, как уверял писатель, подполковник способствовал тайной переписке Яна с другими вольнодумцами, с декабристами, а еще прикрывал его побег! Будто бы Виткевич бежал в Бухару, где уже тогда (то есть не позднее 1829 года, к концу которого Яновскому пришлось покинуть Орск) он столкнулся с английским разведчиком и путешественником Александром Бернсом. Будто бы Яновский обманывал прибывшего из Тобольска жандармского полковника Маслова, говорил, что понадобившийся ему солдат заболел холерой и находится на излечении в лазарете. Поэтому, когда Ян вернулся (в

---

⁶⁹ Я. Я. Полфёров. Предатель. С. 498.

⁷⁰ К. А. Бух. Воспоминания, л. 12.

Бухаре все как-то не задалось), то смог без проблем возобновить службу в батальоне. И так они после этого сдружились с Яновским, что при расставании чуть ли не рыдали.

Вся эта история – плод воображения литератора. Виткевич о побеге в те годы, если и помышлял (какой ссыльный или заключенный о нем не помышляет), то по-настоящему к нему не готовился, возможности для этого у него появятся позже. Вдобавок юноша был безумно влюблен в супругу подполковника, Анну Яновскую, и для него это являлось серьезной причиной не покидать Орск.

В Бухаре Виткевич впервые оказался только через несколько лет, и нет никаких доказательств тому, что виделся там с Бернсом. Теоретически такое могло случиться (англичанин наведаясь в Бухару в 1832 году), однако еще раз повторим: ничем не подтверждается, что тогда же там появился Ян. Документально необоснованны и предположения о том, что подполковник Яновский преступал закон, выгораживал своего солдата, помогал его сношениям с декабристами и пр.

С романиста какой спрос – он имеет право на вымысел, но не следует воспринимать придуманное им как нечто имевшее место в действительности. Однако такое случается, особенно если романист талантлив. Вот и Евсевицкий, попав под влияние умелой прозы, расхваливал Яновского⁷¹, хотя имел доступ к архивным материалам, говорившим не в пользу этого офицера.

В двух случаях Семенов не погрешил против истины.

Во-первых, описывая нежное чувство, которое сблизило юного солдата и двадцатилетнюю Анну Михайловну Яновскую. Отмечаем это с такой уверенностью, поскольку сохранились свидетельства современников о любовной интриге Виткевича. Зан упоминал сей факт в одном из писем Мицкевичу, а Бух – в своих воспоминаниях⁷².

Константин Андреевич писал, что Виткевич, обладая привлекательной наружностью, приглянулся молодой жене командира батальона, стал частым гостем в доме Яновских и вскоре снял там комнату. «Достаточный и очень красивый при том мальчик понравился молодой жене батальонного командира, и она приютила его у себя в доме, находя, вероятно, небезвыгодно иметь такого постояльца»⁷³.

На то, что Ян был хорош собой, обращали внимание многие из тех, кто его знал, не только русские, но и персы и афганцы. С некоторыми высказываниями на этот счет мы еще познакомимся. Не удивительно, что женщинам Виткевич нравился, и Анна Яновская, по всей видимости, стала его первым романтическим увлечением. Впрочем, омраченным мало приятными «привходящими обстоятельствами».

Бух приехал в Оренбургский край в 1833 году, когда сердечная привязанность Виткевича стала уже делом прошлого, но, подчеркнем, недавнего прошлого, причем достаточно скандального. Слухи о разыгравшихся в Орске событиях в 1828–1829 годах гуляли по всему Оренбуржью, охочие до сплетен провинциалы с наслаждением перемывали косточки участникам этих событий, и вряд ли за несколько лет все быльем поросло. Наверняка Бух многого наслушался от любителей посудачить. Да и Виткевич мог с ним кое-чем поделиться.

Во-вторых, Семенов не выдумывал, когда писал, что Яновский был мил с Виткевичем. Верно, мил. Но не только по доброте душевной.

Обратим внимание на то, как Бух охарактеризовал Виткевича: «достаточный и очень красивый при том мальчик».

Ключевое слово здесь «достаточный», то есть с достатком, состоятельный, и на это могли обратить внимание оба супруга Яновские. Деньги Виткевичу присылали по местным меркам

---

⁷¹ W. Jewsiewicki. „Batyra”. S. 52, 56–57.

⁷² К. А. Бух. Воспоминания, л. 55.

⁷³ Там же, л. 12.

немалые, отчего было этим не воспользоваться? Паренек юный, неопытный в житейских делах, и обвести его вокруг пальца было не так-то сложно.

В 1828 году III Отделение собственной его императорского величества канцелярии сформировало следственное дело, озаглавленное следующим образом: «О поступках рядового Орского гарнизонного батальона Виткевича и командира одного батальона подполковника Яновского, подозреваемых в стачке между собой для того, чтобы выманить деньги у матери Виткевича»⁷⁴. В «стачке», то есть в сговоре. Из документов этого дела, которое хранится в ГА РФ, явствует, что Александр Андреевич альтруистом не был и руководствовался корыстолюбивыми интересами.

Скорее всего, он изначально намеревался, воспользовавшись наивностью юноши, поживиться за его счет. Выяснил, что тот принадлежал к семье пусть не особенно богатой, но с достатком и имел право на некоторую недвижимость и денежные средства. Отец отписал детям половину всего своего имущества, на часть которого мог претендовать Ян. А по завещанию бабушки он становился обладателем солидного капитала в 30 тысяч рублей золотом.

Ничего удивительного в том, что Виткевич нуждался в деньгах – чтобы покупать нормальную еду, платить за жилье и вообще, скрасить свое убогое существование. Но деньги шли не только на это...

---

⁷⁴ ГА РФ, ф. 109,1829, оп. 53, д. 76.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.